

Политический нетворкинг и высшее образование элит

С.А. Барков, И.В. Колодезникова, А.В. Маркеева

УДК 316.354, 316.454.5, 32.019.5

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-123-143

Аннотация. В постиндустриальном обществе важнейшим механизмом социального взаимодействия людей выступают социальные сети. В статье на основе анализа вторичных данных и авторского исследования мест получения образования политическими лидерами разных стран продемонстрированы эффекты построения социальных сетей (политического нетворкинга) в рамках трех моделей образования элиты: централизованной, децентрализованной и революционной. Каждая из моделей создает особые условия для формирования и управления социальными сетями. Отдельное внимание уделено существующим барьерам и направлениям создания реальных социальных сетей в российских образовательных институциях как составляющей стратегии «мягкой силы».

Ключевые слова: социальные сети; политический нетворкинг; высшее образование; университеты; «мягкая сила»; политические лидеры

Соцсети стали важнейшим социальным механизмом взаимодействия людей в постиндустриальном обществе. Сегодня все чаще ведётся речь о сознательном управлении социальными контактами, об использовании потенциала сети для решения различных задач – от быстрого нахождения партнера (по бизнесу или для досуга) до распространения инноваций. Этот феномен не может не вызывать интереса исследователей, особенно учитывая те возможности, которые предоставили современные технологии для конструирования социальных сетей в цифровом пространстве.

Социальные сети делятся на две очевидные группы: (1) реальные, основанные на непосредственном общении и реальных взаимодействиях (встречах, совместной работе, ведении бизнеса, осозаемой помощи и др.), часто их отличает высокий уровень доверия, дружественные, родственные отношения, и (2) виртуальные, основанные на электронных коммуникациях, позволяющих иметь весьма широкий круг контактов без реального взаимодействия. При использовании термина «социальные сети» чаще всего имеется в виду второй их тип, но это отнюдь не означает, что реальные сети утратили свое влияние в обществе и стали занимать подчиненное положение по отношению к виртуальным.

Следует признать, что сегодня деление социальных сетей на реальные и виртуальные больше условное – современный темп жизни, увеличение мобильности людей создают предпосылки для «перевода» части реальных социальных контактов в виртуальное пространство, и наоборот – «виртуальные» друзья могут наладить взаимодействие в физическом измерении.

Развитие технологической инфраструктуры, активное включение искусственного интеллекта в управление социальными контактами людей и организаций будут

формировать новые управленческие и исследовательские вызовы, все более сложные сценарии нетворкинга¹.

Однако в контексте открывающихся цифровых возможностей нельзя недооценивать потенциал реальных социальных сетей в решении самых разных задач. В статье на основе анализа данных об образовании политических лидеров разных стран, вторичных исследований по данной теме продемонстрированы эффекты политического нетворкинга, возможности и направления конструирования реальных социальных сетей в российских образовательных организациях.

Формирование социальных сетей

Реальные социальные сети всегда возникают на какой-то объективной основе, связывающей их членов. В различных исследованиях показывается, что структурно укорененные связи появляются «не просто как следствие регулярности (повторяемости) обмена, но возникающей избирательности, вырастающей из общности признаваемых участниками рынка социальных признаков – сходства образования, принадлежности к одной этнической группе, общего круга знакомых, которые могут дать рекомендации и т.п.» [Радаев, 2008. С. 47].

Долгое время основой для формирования сетей была (и в какой-то степени остается поныне) территория. Так образовывались различные кластеры в экономике (Голливуд, Силиконовая долина, промышленный кластер Сассуоло в Италии, креативный лофт-проект «Этажи» в Санкт-Петербурге и др.), так возникали диаспоры и землячества мигрантов. Ярким примером могут служить сети китайских предпринимателей (гуанси) на Тайване. Выходцы из одних и тех же городов, районов континентального Китая при бегстве на остров сохраняли между собой устойчивые неформальные связи, которые становились основой совместного бизнеса [Chan, 2000; Chang, 2004].

В целом, роль сетей, условия для формирования их различных структурных конфигураций довольно подробно рассматривались в рамках изучения этнического предпринимательства в экономической социологии [Валитов, 2000; Бредникова, Паченков, 2002; Олдрич и др., 2008]. Выявленные в рамках анализа сетевых структур возможности, культурные нормы и формируемые диапазоны развития предпринимательства подтверждали, что общая территория сближает людей, формирует рациональные и иррациональные механизмы передачи опыта. К последним, прежде всего, относится простое копирование паттернов поведения людей, живущих неподалеку. Так общие аспекты социализации становятся базисом образования реальной социальной сети, появившейся непосредственно на некоторой общей территории или благодаря «воспоминаниям» о ней.

Не менее (а в некоторых случаях – более) значимой основой формирования социальных сетей выступает образование, которое также формирует в людях общность познавательных практик, стереотипов восприятия действительности, культурных кодов и ценностных ориентаций. Именно поэтому Alma mater может стать

¹ Например, проект «Сетка» от HeadHunter будет использовать набор алгоритмических решений, чтобы рекомендовать, делать «видимыми» и соединять профессионалов в сети взаимодействий. URL: <https://hi.setka.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

эффективной основой реальной социальной сети. Гуанси являются лучшим тому подтверждением; когда воспоминания о месте проживания предыдущих поколений стали постепенно угасать, новые социальные сети стали возникать между тайваньцами- выпускниками одних и тех же университетов [Chan, 2000; Chen et al., 2013].

Важное отличие образования от территории как основы формирования социальной сети заключается в продолжительности периода общения. На территории обычно проживают многие поколения людей; родственные, дружеские, соседские, профессиональные коммуникации могут длиться годами и десятилетиями. Период же учебы относительно короток. За это время отнюдь не всегда успевают сформироваться устойчивые связи между людьми и их общие представления о жизни. Именно поэтому на «родстве» бывших со курсников чаще основываются не реальные, а виртуальные сети (так в 1995 г. возникла одна из первых виртуальных соцсетей Classmates.com, затем уже были всем известные Facebook², Одноклассники и др.). Решающим для формирования таких виртуальных сообществ выступает сам факт принадлежности к вузу, вне зависимости от года обучения или специальности, к его ценностям, традициям. Такие сообщества открывают широкие возможности для конвертации принадлежности к ним в реальные ценности как для конкретных участников, так и для университетов (например, в части пополнения эндowment фондов) [Гойко и др., 2022].

Однако существуют примеры нетворкинга, создающего реальные, а не виртуальные социальные сети вокруг учебных заведений, прежде всего – наиболее престижных, формирующих элиты общества. Видимой и во многом эпатажной частью таких сетей выступают различные студенческие братства и сестринства [Дорохина, 2015; Борунов, 2021], но речь идет не только о них. Насколько такие сети действенны и эффективны – вопрос сложный. Ответ на него определяется как страновыми особенностями, так и идеологическими предпочтениями исследователей. Кто-то хочет видеть в таких сетях проявление «всемирного заговора» элит, кто-то – искусственный и ни к чему не обязывающий «довесок» к престижному образованию. В любом случае нечто подобное реальной социальной сети выпускников элитных вузов представляет собой интересный предмет для анализа.

Степень концентрации политической элиты в университетах страны

Основой концептуализации моделей высшего образования и особенностей политического нетворкинга в их рамках послужило авторское кабинетное исследование образования лидеров 110 стран в конце XX – начале XXI вв. США, Великобритании, Германии, России. Исследование было дополнено историко-социологическим анализом институционального контекста модернизации образовательных институций и образовательных траекторий элиты на протяжении всего XX в. Результаты этого исследования сопрягались с данными аналитических центров и выводами оригинальных исследований российских и зарубежных специалистов. Даже беглый взгляд на места получения профессионального образования высшими руководителями стран (президентами, премьер-министрами и т.п.) за последние десятилетия дает довольно

² Социальная сеть внесена в список экстремистских организаций и запрещена на территории РФ.

четкую картину различий в степени «однородности» дипломов у представителей национальных элит. Налицо три модели, отражающие различные ситуации в сфере высшего профессионального образования людей, претендующих на высокие посты в государстве: централизованная; децентрализованная (дисперсная) и революционная.

Для централизованной модели характерно наличие в стране одного³ или (чаще) нескольких университетов, из которых выходят наиболее успешные политики и чиновники, занимающие потом ключевые посты в государстве. Такие университеты являются наиболее престижными, лидируют в разнообразных рейтингах. Такая модель находит свое воплощение в странах с разным социально-экономическим развитием и культурными традициями. Так, в США большинство президентов последних лет были выпускниками Гарварда или Йеля; в Великобритании «кузнецами» управленических кадров служат Кембридж и Оксфорд; во Франции большинство ведущих политиков и высших госслужащих имеют дипломы Национальной школы администрации и Политехнической школы, а также парижского Института политических исследований; в Японии наиболее престижным и влиятельным является Токийский университет (Тодай). Аналогичная картина складывается в странах Восточной Европы и Прибалтики. В Молдавии 4 из 9 президентов окончили Кишиневский госуниверситет. В Болгарии 3 из 5 президентов окончили Софийский университет Св. Климента Охридского. В Эстонии источником значительного числа представителей элиты служит Тартуский университет, в Литве – Вильнюсский. То же можно сказать о странах неевропейских культурных традиций. Централизованную модель образования можно встретить в Юго-Восточной Азии (Сингапур, Тайвань) и Латинской Америке. Так, все президенты Венесуэлы с 1958 по 1999 гг. заканчивали Центральный университет Венесуэлы. Прервал эту традицию только Уго Чавес – выпускник Военной академии. С 1976 г. по настоящее время 8 из 11 президентов Уругвая⁴ были выпускниками Республиканского университета.

В контексте данного исследования важно, что централизованная модель непосредственно связана с образованием реальных социальных сетей, объединяющих лиц, принимающих наиболее важные политические решения в стране. В данном случае сети возникают почти «автоматически»: отчасти в результате сознательных усилий (членство в студенческих объединениях, ассоциациях выпускников, отбор подчиненных и/или коллег из числа сокурсников, университетских товарищей и т.д.), отчасти – спонтанно на основе стереотипов, механизма подражания и неявных симпатий, базирующихся на общих параметрах социализации.

Так, при изучении французских высших школ П. Бурдье указывал, что их функционирование как «миниатюрных закрытых сообществ» способствует формированию единого образа жизни, «проявляющегося не только в последовательных и отличительных системах культурных референций, особых этических и политических ценностях, но воплощается в одежде, манере говорить и даже сексуальных привычках, во всем, что оказывает эффект на мотивацию и индивидуальные стратегии» [Bourdieu, 1989. С. 180]. Фактически образуемые в такой модели конфигурации социальных сетей способствуют

³ В некоторых странах доминирующее положение в системе элитного образования занимает единственный столичный вуз: Токийский университет в Японии, Национальный автономный университет в Мексике [Тев, 2016].

⁴ Хулио Мария Сангинетти Койроло занимал пост президента дважды.

социальной сплоченности элит, и те порой оказываются даже более действенными, чем политические партии. Так, идеологическая схожесть и отсутствие жесткой организации у двух ведущих американских партий определяют принципиальную значимость для амбициозных в сфере политики молодых людей наличия диплома университета, входящего в Лигу плюща⁵. Именно они имеют реальные шансы на успешную карьеру как у республиканцев, так и у демократов.

Централизованная модель получения высшего образования элитой изучена лучше двух других, в том числе в российских политических и социологических исследованиях. Это неслучайно – образование элиты современной России тяготеет к данной модели. Несмотря на некоторое снижение востребованности первого образования в ведущих столичных вузах у представителей пред-элитной или около-элитных групп, которые рекрутируются в состав высшего руководства страны из российских регионов и имеют дипломы региональных университетов (что дало исследователям повод рассуждать о возможном «реванше регионов» в качестве подготовки кадров для элиты [Мещерякова, Крыштановская, 2023]), необходимо констатировать значимость МГУ, СПбГУ и МГИМО в качестве основных мест подготовки высших чиновников страны. В 2022 г. из 380 представителей «первого эшелона» власти 41 человек (10,7%) получили первое образование в этих трех вузах [Мещерякова, Крыштановская, 2023]. Еще более показательны цифры в разрезе отдельных элитных групп – в 2016 г. 42% представителей Правительства РФ и 37% высших чиновников Администрации Президента получили первый диплом в одном из этих вузов [Тев, 2016. С. 86]. При всех попытках придать импульс региональному образованию, Москва пока остается лидером среди городов, в которых представители будущей элиты предпочитают получать образование. Так, более 90% из 437 глав и заместителей глав федеральных министерств и ведомств повысили в Москве свой образовательный либо профессиональный уровень [Юшкина, 2019. С. 178].

Популярность централизованной модели у исследователей обусловлена двумя причинами: 1) модель создает очень влиятельные социальные сети, от существования которых зависят важнейшие государственные решения, персональные назначения, а иногда и выбор политического вектора развития страны; 2) своим существованием модель ставит под сомнение, декларируемое и мифологизируемое демократическое устройство современного общества. Как и наличие в «цитаделях» демократии политических династий [Барков и др., 2020], централизованная модель получения высшего образования элитой существенно ограничивает возможность меритократии. Такое «нарушение» социального порядка не могло не стать объектом внимания ученых.

Альтернативная централизованной модель образования элиты может быть охарактеризована как **децентрализованная, или дисперсная**. С точки зрения демократических принципов она выглядит более легитимной. При ее наличии в стране выходцы из самых разных учебных заведений (а иногда и вовсе не имеющие диплома) могут

⁵ Лига плюща объединяет 8 старейших и самых престижных высших учебных заведений США (Гарвардский, Йельский, Принстонский, Колумбийский, Брауновский, Корнельский университеты, Университет Пенсильвании и Дартмутский колледж). Согласно специальным исследованиям, 15 американских президентов получили квалификацию в 5 университетах Лиги, из них 8 окончили Гарвард. См. подробнее: Number of presidential alumni from each university from those who attended between 1751 and 1991, by educational achievement. URL: <https://www.statista.com/statistics/1124248/us-presidents-universities/> (дата обращения: 25.02.2024).

с равной вероятностью претендовать на занятие высших постов в государстве. Лучшими примерами такой модели служат Германия и Италия. Несмотря на то, что в обеих странах существуют высшие учебные заведения с давней историей, позитивным имиджем и существенным социокультурным влиянием, в них нет «сверхпредставленности» выпускников отдельных университетов в элите общества. Становление такой модели в двух развитых европейских странах, по всей видимости, было детерминировано их историческим развитием. Обе они до конца XIX в. были раздробленными, что обусловило отсутствие значимых для всей нации и структурообразующих для элиты научных и образовательных центров.

Данная модель, как и централизованная, не зависит от местоположения, степени развития или социокультурного кода страны. Она реализуется в таких кардинально различных странах, как, например, Латвия, Мексика или Колумбия. Однако, будучи внешне более демократичной, она не создает предпосылок для действенного нетворкинга и тем самым осложняет государственное управление (может выступать фактором недопонимания между людьми в руководстве страны, замедлять процесс принятия важных политических решений). Децентрализованная модель не отменяет реальные социальные сети, связывающие представителей элиты, однако усиливает важность других (не образовательных) оснований для их формирования.

В контексте нашего исследования важным аспектом является возможность получения зарубежного образования лидерами. В рамках централизованной модели центры подготовки элиты обязательно находятся внутри страны, децентрализованная в ряде случаев дает возможность возглавить страну или стать очень влиятельным политиком и тем, кто получил образование за рубежом. Таким образом формирование национальных элит может оказаться под непосредственным влиянием процессов глобализации высшего образования.

Существование централизованной или децентрализованной модели не связано напрямую с социально-экономическим развитием страны, но можно с известной долей уверенности утверждать, что длительное состояние политической стабильности и, соответственно, устойчивость элиты в этот период обуславливают тенденцию к формированию централизованной модели образования. Если политическая обстановка в стране нестабильна, характеризуется сменой векторов развития, есть большая вероятность закрепления децентрализованной модели. Когда же нестабильность оказывается очень высокой, происходят резкие перемены во власти и политическом курсе, элиты радикально меняются («кто был никем – тот станет всем!»), возникает третья модель – **революционная**.

К власти приходят новые люди, и чаще всего они получили в свое время другое образование, абсолютно несхожее с наличествующим у предыдущей элиты. Лучший пример революционной модели дает история СССР. Пришедшие в 1917 г. к власти большевики в массе своей вообще не имели высшего образования. Многие руководители страны пытались в царское время учиться в вузах, но были отчислены за революционную деятельность⁶. Исключение составил В.И. Ленин, закончивший экстерном юридический факультет Петербургского университета.

⁶ А.И. Рыков исключён из Казанского университета (как в свое время и Ленин, но Ленин впоследствии получил диплом юриста), В.В. Куйбышев исключён из Военно-медицинской академии, Л.Б. Каменев отчислен из МГУ, Г.Е. Зиновьев – из Бернского университета, Н.И. Бухарин – из МГУ.

Революционная модель образования элиты в нашей стране стала складываться при первом, «ленинском» поколении руководителей. Говоря современным языком, они формировали очень дееспособную и устойчивую социальную сеть, в основе которой было не общее образование, а причастность к революционному движению. Людей объединяли идеология и политическая деятельность в качестве нелегальной оппозиции. Дополнительным и также принципиально значимым фактором сплочения сети было и пребывание в эмиграции. После революции закрытая сеть «старых» большевиков начала постепенно «открываться», впускать в себя новых членов.

Развил революционную модель И.В. Сталин, который был ярым противником формирования каких-либо сетей в руководстве страны. Горизонтальные связи между большевиками он рассматривал как угрозу себе. Постоянные репрессии и чистки на протяжении всего его правления не давали возможности сформироваться стабильной элите. Тем более речь не могла идти о том, чтобы возникли какие бы то ни было устойчивые центры подготовки ее членов. В этот период опять же отдавалось неявное предпочтение людям, не имеющим высшего образования⁷.

Единственным заметным исключением в общем отсутствии учебных заведений, ориентированных на подготовку представителей руководящей элиты СССР, может считаться Высшая партийная школа. Ее заканчивали многие руководители страны (в том числе Ю.В. Андропов, К.У. Черненко). Однако это был специфический, говоря современным языком, «корпоративный» университет правящей партии. Партия не рекрутировала своих лидеров из ее выпускников, а, наоборот, направляла их в эту школу. В 1977 г. подобный «корпоративный университет» был создан и для руководителей промышленности – Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР. Обе институции не только выполняли образовательную функцию, приобщая представителей высших эшелонов управления к новому, в том числе иностранному знанию, но и активно способствовали наращиванию и укреплению реальных социальных контактов между ними. На это работала совместная культурная и досуговая составляющая образовательной программы с «отрывом от производства». Институции работали на приращение социальных связей людей с устоявшимися жизненными приоритетами и уже сложившейся карьерой. Аналогично тому, как эти связи в современных реалиях формируют выпускники программ МВА.

Революционная модель характеризуется самой сильной дисперсностью учебных заведений. В основе реальных социальных сетей оказываются иные – «необразовательные» – факторы. Чаще всего в случае СССР – территория или национальность. Отношение к таким сетям и на официальном уровне (еще со времен Сталина), и у народа было негативное, поэтому в публичном дискурсе их часто называли «кланами». Вокруг Л.И. Брежнева сформировался днепропетровский клан, вокруг Э.А. Шеварднадзе – грузинский, вокруг Г.А. Алиева – азербайджанский. Другим фактором появления властной сети-клана могла быть принадлежность к силовым структурам (или неформальная связь с этими структурами). Как и современные социальные сети, советские кланы могли переплетаться друг с другом – представитель национального

⁷ Из 38 членов ЦК КПСС, занимавшихся хозяйственной деятельностью в 1930-е гг., законченное высшее образование имели только А.Н. Косыгин и Г.Я. Сокольников. При этом специалистом в своей профессии был только Косыгин, окончивший Ленинградский текстильный институт и работавший наркомом текстильной промышленности.

клана мог быть одновременно участником «силового». Но никогда общее место получения образования не играло в них принципиальную роль.

Таким образом, революционная модель характеризуется тем, что иные основания (участие в революционном движении, территория, национальность, принадлежность к силовым структурам и т.д.) формирования сети оказываются в период резких социальных перемен значительно более существенными, чем полученное образование.

Глобализация и политический нетворкинг

Глобализация внесла существенное изменение в процесс образования социальных сетей представителями политических элит. Ранее сети замыкались внутри стран (государств). Это было характерно для всех элит – экономической, политической, культурной. Сегодня они активно преодолевают национальные границы (особенно экономические и культурные). Существует множество мест – клубы, форумы, конкурсы, конференции, рекреационные центры – где сети формируются из граждан самых разных стран. Политическая элита в этом плане всегда была более закрытой, что основывалось на простом императиве: нельзя допускать к важным политическим решениям людей из-за рубежа. Лидер государства не мог быть иностранным гражданином (это правило действует и сегодня в подавляющем количестве случаев). Исходя из такой ситуации, политические руководители получали образование преимущественно внутри страны.

Несколько десятилетий назад ситуация начала меняться. После крушения колониальных систем появилось большое количество государств, не обладавших самостоятельной системой высшего образования. Некоторые из них не имели четкой национальной идеи, были связаны тесными экономическими, социальными и политическими узами с бывшими метрополиями, не собирались вырабатывать самостоятельный политический курс [Барков, 2008]. Еще сильнее изменилась ситуация после распада СССР и «социалистического лагеря». Многие возникшие в результате «молодые демократии» захотели непосредственно перенимать опыт управления у представителей Запада и стали доверять им руководящие посты. В этих условиях присутствие «варягов» в руководстве страны перестало восприниматься как серьезная проблема. Появился и рациональный аргумент в пользу такой ситуации – главное, чтобы руководитель был хорошим профессионалом, и неважно, где он родился или учился.

В целом, очень небольшое количество государств возглавлялось и возглавляется иностранными резидентами или людьми с двойным гражданством⁸, гораздо чаще встречаются случаи, когда их руководители обучались за рубежом. Образование, полученное в ведущих вузах мира, вводит человека в глобальную элиту, положительно влияет на репутацию и жизненные перспективы. Благодаря наличию в качестве базиса общего образования реальная социальная сеть легко переступает национальные границы.

⁸ В качестве примеров руководителей стран – бипатридов в текущей /недавней политической истории можно привести: Саломе Зурабишвили (президент Грузии 2018- н/в); Андри Радзуэлина (президент Мадагаскара 2019 г. – н/в); Мохамед Абдуллахи Мохамед (премьер-министр (2010–2011)), президент Сомали (2019–2021); Саад Харири (премьер-министр Ливана 2009–2011, 2016–2019), Андрей Бabiш (премьер-министр Чехии 2017–2021), Альберто Фухимори (президент Перу 1990–2000), также с учетом особых факторов становления государственности двойным гражданством обладали премьер- министры Израиля разных лет.

Активные глобализационные процессы в экономике и политике начались в конце XX в. в эпоху господства неолиберализма как социально-экономической доктрины. Неолибералы были первыми обладателями дипломов иностранных вузов в правительствах разных стран. В первую очередь это было характерно для Латинской Америки, где традиционно велико влияние США. В качестве технических исполнителей государственных структур сюда нередко приглашали «варягов» с Севера. Так, небезызвестные «чикагские мальчики» – ученики автора теории монетаризма М. Фридмана, осуществлявшие неолиберальные реформы в Чили при А. Пиночете, явили миру пример того, как на базе отдельной теоретической конструкции переформатируется экономика целой страны [Valdés, 1995; Fourcade-Gourinchas & Babb, 2002]. В качестве глав правительств в этом регионе активно проявили себя местные выпускники американских университетов, опять же учившиеся неолиберальным подходам к управлению экономикой непосредственно у их авторов. Вот как об этом писали авторы журнала «Бизнес Уик»: «Знаменательно, что в авангарде перемен мы видим сегодня новое поколение лидеров, многие из которых получили образование в США. Рассеянные по всей Южной Америке выпускники Гарвардского, Чикагского и Стэнфордского университетов возглавили крупнейшие компании и министерства, применяя повсюду на практике новый рыночный подход к решению проблем. Используя старые студенческие связи, заключая соглашения о свободной торговле и создании совместных предприятий со своими давними знакомыми по университету, эти магистры и доктора философии не только не боятся подписывать контракты с коллегами из США, но, напротив, стремятся к этому»⁹.

Американцы хорошо понимали силу социальных сетей, возникших вокруг их университетов. Их представители, любящие США и создавшие себе имидж выдающихся профессионалов, были способны успешно конкурировать на местном «политическом рынке» с теми, кто придерживается иных взглядов: «Для нового поколения лидеров, овладевших основами экономического планирования в вузах США, Латинская Америка стала своего рода полигоном, на котором проверяются на практике приобретенные ими теоретические знания… Эти новые высокообразованные латиноамериканцы, прекрасно владеющие английским, уверенно теснят националистически настроенных лидеров, десятилетиями стоявших у кормила власти»¹⁰.

Сегодня сила сетей, объединяющих выпускников американских университетов, в которые входят руководители разных стран, многократно возросла. Американцы могут по праву гордиться тем, сколько политических лидеров за рубежом они «воспитали». За период с 1900 по 2023 гг. 83 лидера национальных государств получали образование в США, из них после 2000 г. – 42 человека из 34 стран мира (табл. 1). Показателен и охват: образовательная экспансия США распространилась буквально на все регионы мира. А в отдельных странах, представляющих для США наибольший политический интерес (например, в ряде стран Ближнего Востока, в Мексике, Панаме, Сингапуре, Эквадоре и др.), подавляющее большинство государственных лидеров последних двух десятилетий имеют дипломы американских университетов.

⁹ Бейкер Ст., Уинер Э., Смит Дж., Чартерс Э., Джэкобсон К. Латинская Америка в огненном ритме свободного рынка // Бизнес Уик (издание на русском языке), 1994. № 1. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 41.

Такой образовательный бэкграунд формирует поддержку внешней политики США со стороны многих государственных деятелей, которые вроде бы никак не должны быть заинтересованы в расширении американского влияния и успехе американских инициатив.

Таблица 1. Главы государств с американским образованием, занимавшие пост с 2000-х по настоящее время

Регион	Страна	Глава государства	Срок полномочий	Американский университет, который закончил
Страны Европы	Греция	Костас Карапанис	2004–2009	Университет Тафта
		Кириакос Мицотakis	2019 –н/в	Гарвардский, Стэнфордский
	Грузия	Саломе Зурабишвили	2018- н/в	Колумбийский
	Италия	Марио Монти	2011–2013	Йельский
	Молдова	Майя Санду	2020- н/в	Гарвард школа Кеннеди
	Польша	Марек Белька	2004–2005	Колумбийский, Чикагский
	Португалия	Жозе Мануэль Баррозу	2002–2004	Джорджтаунский
	Хорватия	Колинда Грабар-Китарович	2015–2020	Университет Дж. Вашингтона
	Чешская республика	Вацлав Клаус	2003–2013	Корнельский
Страны Ближнего Востока	Эстония	Тоомас Хендrik Ильвес	2006–2016	Колумбийский, Пенсильванский
	Ирак	Ахмед Чалаби	Сентябрь 2003	MIT, Чикагский
		Гази Машаль Аджиль аль-Явер	2004–2005	Американский, Университет Дж. Вашингтона
	Израиль	Эхуд Барак	1999–2001	Стэнфордский
Страны Африки		Биньямин Нетаньяху	1996–1999, 2009–2021	MIT, Гарвардский университет
	Ботсвана	Мокветси Масиси	2018-н/в	Университет штата Флорида
	Кения	Ухуру Кениата	2013–2022	Амхерст Колледж
	Либерия	Эллен Джонсон- Серлиф	2006–2018	Мэдисонский бизнес-колледж, Университет Колорадо, Гарвардский университет
	Сомали, Пунтленд	Абдивели Гаас	2011–2012 (Сомали), 2014–2019 (Пунтленд)	Университет Вандербильта, Гарвардский университет, Университет Джорджа Мейсона
Тунис		Зин эль-Абидин Бен Али	1987–2011	Высшая разведывательная школа (Мэриленд), Школа полевой зенитной артиллерии (Техас)

Окончание табл. 1

Регион	Страна	Глава государства	Срок полномочий	Американский университет, который закончил
Страны Северной и Южной Америки	Боливия	Гонсало Санчес де Лосада	1993–1997, 2002–2003	Чикагский
	Колумбия	Хуан Мануэль Сантос	2010–2018	Канзасский, Гарвардский
	Коста Рика	Лаура Чинчилья	2010–2014	Джорджтаунский
	Маршалловы острова	Кристофер Лоик	2011–2016	Портлендский общественный колледж, Гавайский тихоокеанский колледж, Юридический факультет Университета Гонзага
	Мексика	Эрнесто Седильо	1994–2000	Йельский
		Висенте Фокс	2000–2006	Гарвардский
		Фелипе Кальдерон	2006–2012	Гарвардский
	Никарагуа	Энрике Боланьос	2002–2007	Университет Сент – Луиса
	Панама	Мирейя Москосо	1999–2004	Колледж Майами-Дейд
		Мартин Торрихос	2004–2009	Техасский университет A & M
	Перу	Альберто Фухимори	1990–2000	Университет Висконсина в Милуоки
	Чили	Рикардо Лагос	2000–2006	Университет Дьюка
	Эквадор	Джамиль Махуд	1998–2000	Гарвардский
		Рафаэль Корреа	2007–2017	Иллинойский университет в Уране-Шампейне
Страны Азиатского региона	Камбоджа	Хун Манет	2023- н/в	Нью-Йоркский
	КНР	Ли Тен Хуэй	1988–2000	Университет штата Айова; Корнельский университет
		Ма Инцю	2008–2016	Гарвардский
	Сингапур	Го Чок Тонг	1990–2004	Колледж Уильямса
		Ли Сянь Лун	2004– н/в	Гарвардский
	Таиланд	Йинглак Чиннават	2011–2014	Университет штата Кентукки
	Тайвань	Цай Ивэнь	2016- н/в	Корнельский
	Филиппины	Глория Макапагал Арройо	2001–2010	Джорджтаунский
	Япония	Синдзо Абэ	2006–2007, 2012–2020	Университет Южной Калифорнии

Конкуренцию США в плетении сетей вокруг своих вузов составляет Великобритания (рис. 1). Профессор Ребекка Хьюз, директор отдела по образованию в Британском совете, называет такую связь между Великобританией и мировыми лидерами «долгосрочными активами» своей страны.

Примечание. Чёрным выделены страны с лидерами, получившими образование в Великобритании, темно-серым – в США.

Источник. Составлено по данным HEPI за 2023 г.

Rис. 1. Страны, лидеры которых получили образование в США и Великобритании, 2023 г.

С 2017 г. Higher Education Policy Institute (HEPI), независимый аналитический центр, занимающийся вопросами высшего образования, измеряет Индекс мягкой силы (Soft-Power Index)¹¹, частью которой является предоставление образовательных услуг активным политикам из разных стран. По его данным, США и Великобритания по этому показателю относятся к безусловным мировым лидерам (табл. 2).

Таблица 2. Количество лидеров стран, получивших образование в США, Великобритании, Франции и России, 2021–2023 гг.

Страна получения образования лидерами стран	2021	2022	2023
США	65	67	65
Великобритания	58	56	58
Франция	30	31	30
Россия	11	11	10

Источник. Составлено по данным HEPI'S2023 SOFT-POWER INDEX. URL: <https://www.hepi.ac.uk/2023/08/22/over-one-quarter-of-the-worlds-countries-are-headed-by-someone-educated-in-the-uk-and-another-quarter-are-headed-by-someone-educated-in-the-us-hepi-2023-soft-power-index/> (дата обращения: 15.03.2024).

¹¹ Количество действующих мировых лидеров (монархов, президентов и премьер-министров), получивших высшее образование в странах, отличных от их собственной. При расчете показателей учитываются все уровни образования, включая дополнительное и второе высшее.

Но примечательно, что Россия все же сохраняет за собой значимые позиции в образовательной подготовке лидеров национальных государств. Базис для этого был заложен еще в СССР, где очень хорошо понимали «сплачивающий» характер высшего образования.

Так, уже в январе 1921 г. по решению ЦК РКП(б) в Москве начали функционировать восточные курсы¹² для подготовки иностранцев. Однако расцвет образовательного экспорта в СССР наступил с хрущевской оттепелью. В 1957 г. в Москве прошел шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов, в это же время начался массовый прием в советские вузы выходцев из стран «народной демократии» и бывших колоний. В Союз ехали тысячи студентов со всего мира. Очень многие из них возвращались на родину друзьями СССР и занимали важнейшие позиции в политическом руководстве своих стран. Студентов-иностранных принимали в самые разные вузы, а в Москве для них был создан специальный Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

С формальной точки зрения высшее образование, полученное в СССР, способствовало развитию экономики дружественных стран, а также распространению коммунистической идеологии. Крайне важными были и неформальные аспекты учебы в Советском Союзе. Знание русского языка, наличие друзей и знакомых, понимание русской культуры и культур народов СССР – все это создавало базис для успешных политических контактов и реализации совместных проектов между местными и зарубежными выпускниками.

Эффективность образовательной политики СССР по подготовке иностранцев можно проследить в контексте взаимоотношений СССР и КНР. С 1925 г. по 1930 г. в СССР существовал отдельный Университет трудящихся Китая (УТК) им. Сунь Ятсена (позже Коммунистический университет трудящихся Китая). За весь период его работы он выпустил около 1500 специалистов. Несмотря на то, что с конца 1950-х годов охлаждение отношений между странами привело к сокращению сотрудничества, университет создал мощный задел для будущего политического взаимодействия. Многие из представителей политической и военной элиты Китая, занимавших свои посты, начиная с 1930-х гг. до конца XX в., проходили обучение в СССР. В их числе – основные идеологи китайской компартии Чжан Вэнъянь, Ван Цзясян, Чэн Бода, главный соратник Мао Цзэдуна в годы «культурной революции» Линь Бяо, как, впрочем, и главные его соперники в борьбе за власть Чжан Готао и Ван Мин (Чэн Шаоюй). Три из шести генеральных секретарей ЦК КПК (помимо уже упомянутого Чжана Вэнъянь, – Бо Гу и Дэн Сяопин) обучались в Москве. Не меньший вклад внес СССР в подготовку китайской военной элиты. Для обучения военных в КУТК была создана военная секция. Пять из десяти маршалов КНР (Чжу Дэ, Линь Бяо, Лю Бочэн, Не Жунчжэнь, Е Цзяньин), 3 генерала армии, 7 генерал-полковников, 8 генерал-лейтенантов, 7 генерал-майоров учились в нашей стране.

Именно обученные в СССР китайские специалисты в 1990-х гг. способствовали быстрому налаживанию политического и экономического сотрудничества между двумя странами, быстрому прогрессу в двусторонних отношениях.

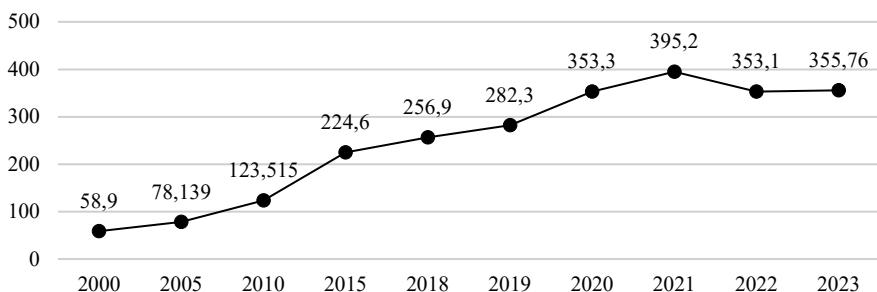
¹² Позже были преобразованы в Университет трудящихся Востока (УТВ), затем к названию вуза было добавлено слово «Коммунистический», и он стал называться КУТВ.

Российское высшее образование как основа политического нетворкинга

С распадом СССР внимание к привлечению иностранных студентов существенно ослабло. Кроме того, экономический кризис 1990-х гг. не мог не затронуть систему образования, а страна была поставлена в условия, когда она должна была «на равных» конкурировать на мировом рынке образовательных услуг с развитыми странами, где финансирование образования было на порядок выше. Престиж российского образования в мире сильно упал. Не способствовал притоку студентов и трудный для изучения русский язык, на котором ведется преподавание в нашей стране. И хотя динамика притока иностранных студентов в целом была положительной, она не позволяла говорить о значимой роли России в международной мобильности студентов. Так, в 2000 г. в стране обучалось менее 60 000 иностранных студентов.

В начале 2000-х в страну ехали молодые люди в основном для того, чтобы изучать русский язык. Функционировал Университет дружбы народов, а ряд ведущих вузов постоянно делали попытки привлечения иностранных студентов, но это были несистемные и не вполне эффективные начинания. Целенаправленной политики вузов и/или государства по выстраиванию сетей вокруг российских учебных заведений в 1990-е и начале 2000-х гг. не существовало. Тем более отсутствовал политический нетворкинг.

Однако ситуация стала постепенно меняться. Вложения государства в развитие отдельных направлений подготовки, предпринятые меры по поддержке ведущих вузов, в том числе в регионах, накопленный опыт внутри системы высшего образования по созданию востребованных программ профессиональной подготовки заметно улучшили ситуацию. Если в 2000-м в стране обучалось 58,9 тыс. иностранных студентов, то в 2023-м – 355,76 тыс. (рис. 2)¹³.

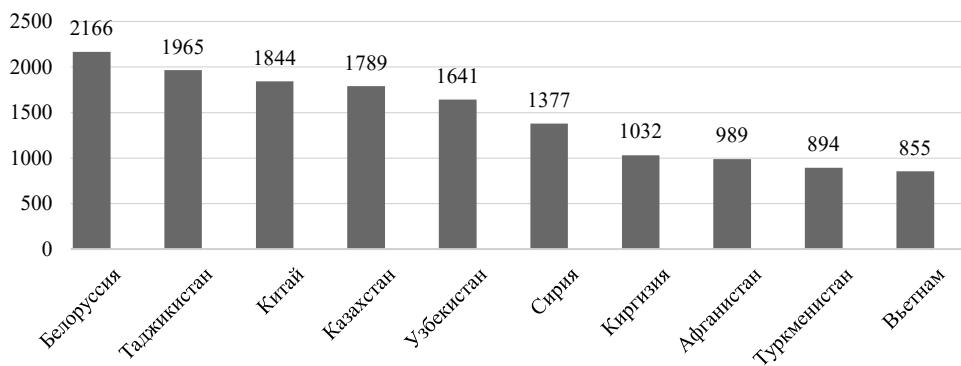

Источник: Составлено по данным Министерства образования и науки РФ

Рис. 2. Количество иностранных студентов, получающих высшее образование в России, 2000–2023 гг., тыс. чел.

¹³ Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/reg1/b15_11/isswww.exe/stg/d01/08-12.htm; https://rosstat.gov.ru/bgd/reg1/b12_11/issWWW.exe/Stg/d1/08-11.htm (дата обращения: 01.04.2024).

Российское образование востребовано прежде всего среди молодых граждан стран СНГ (рис. 3)¹⁴. Более половины иностранных студентов, обучающихся в России, приезжают из шести государств: Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Киргизии. При этом, если в 2018 г. больше всего студентов прибывало из Казахстана, то в 2022 г. лидером по количеству студентов, обучающихся в России, стал Узбекистан, а в 2023 г. – Беларусь¹⁵.

Источник. Национальный доклад о реализации государственной политики в сфере образования.

Рис. 3. Топ стран по количеству студентов, принятых на обучение в российские вузы в 2023 г., чел.

Среди стран дальнего зарубежья больше всего студентов направляют в Россию в последние годы Вьетнам, Сирия, Афганистан. Существенно увеличился также поток студентов из африканских стран. Так, количество студентов из Египта выросло с 2018 г. почти в 7 раз. Иностранных студентов привлекают специальности, связанные со здравоохранением (лечебное дело, стоматология, педиатрия), экономикой, педагогикой, юриспруденцией. Растет интерес к строительным и инженерным специальностям¹⁶. Однако лидером по числу студентов дальнего зарубежья, обучающихся в российских вузах, является Китай.

Приток китайских студентов в Россию следует отметить особо. Ограниченнное число мест в китайских университетах и целенаправленная политика государства по воздействию зарубежного опыта для поступательного развития страны стимулируют приток в Россию студентов из КНР. Китайцы высоко оценивают уровень российского образования, помнят, какую большую роль в развитии страны сыграли выпускники советских вузов 1930–1960-х гг. Их не отпугивает и начавшееся противостояние

¹⁴ Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2024. URL: http://government.ru/dep_news/51601/ (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁵ Данные Министерства образования и науки РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnistvo/46158/> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁶ Там же.

России и Запада, год от года количество китайских студентов в России растет: в 2022 г. общая численность студентов составляла 36,2 тыс. чел. (рост к 2021 г. составил 10%)¹⁷, в 2023 г. – 37,08 тыс. чел., в 2024 г. превысила 41 тыс. чел¹⁸.

Среди китайских выпускников российских вузов возникают устойчивые социальные сети, что вообще характерно для культуры этой страны. Исследования показывают, что склонность к нетворкингу свойственна любому китайцу [Dorokhina et al., 2023]. За последние 35 лет сети выпускников российских вузов в КНР в какой-то степени институционализировались. В стране с 1989 г. активно действует Китайская ассоциация выпускников бывшего советского союза и СНГ (КАВС)¹⁹, с 2014 г. празднуется Единый день выпускников российских и советских вузов – десятый состоялся 8 декабря 2023 г. Регулярные встречи выпускников проходят в Китае и в отдельных вузах в России.

Успешный опыт создания социальных сетей среди китайских выпускников отечественных вузов, а также geopolитические императивы налаживания более тесного сотрудничества с дружественными странами в условиях крайне напряженных отношений с Западом ставят на повестку дня активное стимулирование политического нетворкинга вокруг университетов России. Подобный нетворкинг можно считать эффективным инструментом «мягкой силы», с помощью которой в современном мире решается множество проблем во взаимоотношениях между странами и общностями людей. Мягкая сила – это создание привлекательного образа страны, прежде всего, на основе пропаганды ее достижений и ознакомления с культурой. Симпатии к стране и наличие по всему миру людей, поддерживающих ее политическую линию, часто оказывается более эффективным способом предотвращения и/или разрешения конфликтов, чем военная («жесткая») сила.

Возвращаясь к феномену нетворкинга, нужно сделать одно важное замечание. Реальные социальные сети могут возникать спонтанно и целенаправленно. Смысл термина «нетворкинг» на английском языке отсылает к целенаправленному конструированию сети. На наш взгляд, российское государство и система отечественного образования сегодня должны осваивать искусство «плетения» социальных сетей, не полагаясь на случай. Для этого недостаточно собрать на своей территории отечественных и иностранных студентов. Для формирования устойчивых связей между людьми важно создание ситуации, когда положительные эмоции от общения и взаимодействия явно превалируют над отрицательными. Тем более, что образование – сложный процесс. С психологической точки зрения он может быть связан со стрессами, конфликтами, состояниями депрессии и фрустрации. Поэтому эффективный нетворкинг требует специальных усилий. США, поставившие буквально на поток подготовку политических лидеров других стран, имеют специальные программы и организационные установки, чтобы сделать социальные сети действенными.

¹⁷ За прошедший год число студентов из Китая увеличилось на 10% // Министерство науки и высшего образования РФ. 22.05.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnistvo/51810/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁸ Число китайских студентов в России выросло до 41. тыс. // Известия. 27.04.2024. URL: <https://iz.ru/1688685/2024-04-27/chislo-kitaiskikh-studentov-v-rossii-vyroslo-do-41-tys> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁹ Объединяет свыше 4 тыс. китайцев. URL: <https://rs.gov.ru/news/v-kitae-vstrelis-rossijskie-isovetskie-vypuskniki/> (дата обращения: 11.04.2024).

Среди ключевых моментов политического нетворкинга вокруг университетов отметим разработку информационных материалов и информационного сопровождения, облегчающего онбординг иностранных студентов, тщательно спланированную программу адаптации, где ключевые усилия концентрируются на создании условий для преподавателей, администрации и студентов вузов в помощи иностранцам в организационном плане (включения в учебный процесс, объяснения систем оценивания и т.д.), а также в реализации культурных инициатив и налаживания повседневного общения (пригласить в гости, позвать поиграть в волейбол, обсудить книгу, фильм и т.д.).

Например, иностранец, поступивший в американский университет, в первый же день получает детализированную и написанную простым языком информацию о жизни и учебе в стране, где описаны все проблемные ситуации, в которые он может попасть в университете и вне его. Информация постоянно обновляется в зависимости от перемен в учебном процессе и трансформации социального окружения. Обязательно принимается во внимание момент, когда среднестатистический человек начинает чувствовать ностальгию. Примерно в это время семья местных преподавателей приглашает иностранного студента в гости и на экскурсии. Это плюс к тому, что чуть ли не с первого дня в жизни студента появляются организации соучеников для совместного проведения досуга и помощи в учебе. В результате человек оказывается «окутанным» социальными сетями, делающими его жизнь лучше, начинает испытывать уважение к стране пребывания и к ее жителям, с которыми завязываются разной силы связи.

Данные опроса «Адаптация иностранных студентов в России», проведенного по инициативе Госдумы РФ в 2023 г.²⁰, демонстрируют необходимость развития информационной поддержки. Так, 26% иностранных студентов испытывали сложности с регистрацией и постановкой на учет, 21,4% – с получением виз в РФ, у 14,2% возникали трудности при взаимодействии с российскими МФЦ, банками, другими структурами, 12,4% требовалась помощь в решении бытовых вопросов. Эти проблемы могут быть решены с помощью технических средств (приложений, порталов, чат-ботов, групп в мессенджерах и т.д.). Не менее важную роль занимает выстраивание межличностных взаимодействий – многие респонденты признались, что им не хватает культурных событий и психологической поддержки со стороны российских студентов и преподавателей.

Значимой проблемой в поддержании контактов становится практика расселения иностранных студентов в общежитиях. Например, китайцы в российских университетах живут практически закрытыми коммунами, результатом чего становится плохое знание русского языка и главное – отсутствие возможности завязать устойчивые социальные связи с россиянами. В советских вузах традицией было поселение иностранцев вместе с местными студентами, что служило основой нетворкинга.

У российских студентов, преподавателей и администраторов университетов нет традиции приглашать иностранных студентов к себе домой или организовывать неформальные мероприятия культурной направленности (совместный поход в музей, приглашение посетить «русскую дачу» и т.д.). Как элементы «мягкой силы»

²⁰ Результаты исследования «Адаптация иностранных студентов», инициатор Комитет Государственной думы по молодежной политике // Сайт Государственного университета управления. URL: https://guu.ru/wp-content/uploads/2_1_Адаптация_иностранных_студентов.pdf

такие мероприятия не слишком обременительны для наших соотечественников, но необходимо разъяснить их важность в современном мире, во многом состоящем из социальных сетей.

Установление неформальных отношений между иностранными и российскими студентами, преподавателями может стать органичной основой для целенаправленного политического нетворкинга: включения иностранных выпускников в соответствующие организации обмена опытом, отслеживания их карьеры в политике, если они таковую делают, предложения совместных проектов. Важно понимать, что продвижение политического курса России в мире начинается с самых незначительных и не имеющих явных целей шагов по налаживанию неформальных контактов. Без этого место эффективно работающих социальных сетей займет абстрактное позитивное отношение к стране, где человек получил высшее образование. Само по себе такое восприятие – это тоже вклад в развитие международных связей, но по действенности оно не может сравниться с реальными социальными сетями, включающими в себя настоящих и будущих политических лидеров.

* * *

Сегодня Россия во многом использует результаты того политического нетворкинга, который имел место в советское время. Выпускники советских вузов стали значимыми фигурами политического, экономического ландшафта во многих странах. Но время бежит, скоро им на смену придут новые руководители. При исключительной активности Запада в части политического нетворкинга велика вероятность, что они могут быть оплетены социальными сетями, созданными в недружественных по отношению к России странах. В этих условиях принципиально важным становится целенаправленное создание реальных социальных сетей, связывающих иностранных и российских выпускников отечественных вузов.

При непредсказуемости политического будущего в современном мире стоит видеть в большинстве иностранцев, получивших российское образование, потенциальных политических игроков, и действовать, исходя из этого предположения. Россия «умеет нравиться» иностранцам. Богатство и самобытность ее культуры вкупе с открытостью россиян к общению создают широкие возможности для конструирования социальных сетей. Важно превращать эти возможности в действительность. Используя советский опыт и дополняя его инициативами,озвучными сегодняшнему социально-политическому устройству мира, российские вузы уже скоро могут стать сильным подспорьем в реализации политики страны в самых разных регионах мира.

Литература / References

- Барков С.А., Доронина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А. Династии и фамилии-бренды в политической сфере постиндустриального общества// Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 801–820.
- Barkov, S.A., Dorokhina, O.V., Markeeva, A.V., Maksimov, A.A. (2020). Dynasties and brand names in the political sphere of the post-industrial society. *RUDN Journal of Sociology*. No. 4. Pp. 801–820. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-801-820>

Политический нетворкинг и высшее образование элит

- Барков С.А. Бюргерство и пассионарность как социокультурные модели развития национальных сообществ // Социология власти. 2008. № 6. С. 69–77
- Barkov, S.A. (2008). Burgherism and Passionarity as socio-cultural models of development of national communities. *Sociology of Power*. No. 6. Pp. 69–77 (In Russ.).
- Борунов Д.В. Братство на всю жизнь. Возвращение студенчества в Россию. М.: Изд. Буки Веди, 2021. 424 с.
- Borunov, D.V. (2021). *Brotherhood for Life. Return of the student community to Russia*. Moscow. Buki Vedi Publ. 424 p. (In Russ.).
- Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № . 2. С. 74–81.
- Brednikova, O., Pachenkov, O. (2002). Ethnicity of “ethnic economy” and social networks of migrants. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 2. Pp. 74–81. (In Russ.).
- Валитов В.Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 112–120.
- Valitov, V.N. (2000). Social Networks of Russian Immigrants and Natives. *Sotsiologicheskyi Zhurnal*. No. 1–2. Pp. 112–120. (In Russ.).
- Гойко В.Л., Мягков М.Г., Мундриевская Ю.О., Александрова Ю.К., Булыгина М.В., Мищенко Е.С., Устюжансцева О.В. Стратегии и практики вовлечения выпускников вузов и массовых жертвователей в деятельность эндаументов: исследование Центра прикладного анализа больших данных и Центра знаний по целевым капиталам ТГУ. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2022. 176 с.
- Goiko, V.L., Myagkov, M.G., Mundrievskaya, Yu.O., Aleksandrova, Yu.K., Bulygina, M.V., Mishchenko, E.S., & Ustyuzhantseva, O.V. (2022). *Strategies and practices of involving university graduates and mass donors in endowment activities: a study of the Center for Applied Big Data Analytics and the TSU Endowment Knowledge Center*. Tomsk: TSU Publ. 176 p. (In Russ.).
- Дорохина Р.В. Этические принципы и ценностные установки студенческих корпораций Европы и Северной Америки. М.: Проспект, 2015. 168 с.
- Dorokhina, R.V. (2015). *Ethical Principles and Values of Student Corporations in Europe and North America*. Moscow. Prospect Publ. 168 p. (In Russ.).
- Мещерякова Н.Н., Крыштановская О.В. Качество образования российской политической элиты // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 138–156. DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–12–138–156
- Meshcheryakova, N.N., Kryshtanovskaya, O.V. (2023). Quality of education of the Russian political elite. *Higher Education in Russia*. Vol. 32. No. 12. Pp. 138–156. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869–3617–2023–32–12–138–156
- Олдрич Х., Роджер У., Робин У. Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 5. С. 30–55.
- Aldrich, H., Roger, W., Robin, W. (2008) Ethnic entrepreneurs. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 9. No. 5. Pp. 30–55. (In Russ.).
- Радаев В.В. Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 2. С. 47–54.
- Radaev, V.V. (2008). Market as an intertwining of social networks. *Russian Journal of Management*. Vol. 6. No. 2. Pp. 47–54. (In Russ.).

- Tev D.B. Федеральная административная элита России: образовательные характеристики // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 3. С. 76–96.
- Tev, D.B. (2016). The federal administrative elite of Russia: educational characteristics. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 3. Pp. 76–96. (In Russ.).
- Tev D.B. Элитное образование как канал рекрутования властных групп: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2015. № 9. 2015. С. 102–110.
- Tev, D.B. (2015). Elite education as a channel of power groups' rectoring: foreign experience. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 9. Pp. 102–110. (In Russ.).
- Юшкина Н.А. Влияние образовательных траекторий на формирование управленческой элиты в российских федеральных органах власти // Вестник университета. 2019. № 11. С. 176–183.
- Yushkina, N.A. (2019). Influence of educational trajectories on the formation of the managerial elite in the Russian federal authorities. *Vestnik Universiteta*. No. 11. Pp. 176–183. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2019-11-176-183
- Bourdieu, P. (1989). The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power. Stanford: Stanford UP
- Chan, Kwok Bun (2000). *Chinese Business Networks: State, Economy and Culture*. Singapore. Prentice Hall, Nordic Institute of Asian Studies.
- Chang, I. (2004) *The Chinese in America: a narrative history*. New York. The Penguin Group.
- Chen, C. Chen, X-P, Huang, S. (2013) Chinese Guanxi: An Integrative Review and New Directions for Future Research. *Management and Organization Review*. Vol. 9(1). Pp.167–207. DOI:10.1111/more.12010
- Dorokhina, O.V., Sinelnikov, A.B., Barkov, S.A. (2023). The West, Russia and China: Inheritance systems and ways of economic development. *RUDN Journal of Sociology*. No. 3. Pp. 600–611. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-600-611>
- Fourcade-Gourinchas, M. & Babb, S. (2002). The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries. *American Journal of Sociology*. Vol. 108. Pp. 533–579.
- Valdés, J. (1995). *Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile*. Cambridge University Press.

Статья поступила 06.05.2024

Статья принята к публикации 20.05.2024

Для цитирования: Барков С.А., Колодезникова И.В., Маркеева А.В. Политический нетворкинг и высшее образование элит // ЭКО. 2025. № 1. С. 123–143. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-123-143

Информация об авторах

Барков Сергей Александрович (Москва) – доктор социологических наук, профессор. МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: barkserg@live.ru; ORCID: 0000-0002-7382-767X

Колодезникова Инна Валентиновна (Москва) – кандидат экономических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: inna0105@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3158-8172

Маркеева Анна Валерьевна (Москва) – кандидат социологических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: anna_markeeva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7439-1599

Summary

S.A. Barkov, I.V. Kolodeznikova, A.V. Markeeva

Political Networking and Higher Education of Elites

Abstract. In post-industrial society, social networks are the most important mechanism of social interaction. The article demonstrates the effects of political networking within the framework of three models of elite education (centralized, decentralized and revolutionary) based on the analysis of secondary data and the author's research of places of education of political leaders of different countries. Each of the models creates special conditions for the formation and management of social networks. Special attention is paid to the existing barriers and directions of constructing real social networks in Russian educational institutions as a component of the "soft power" strategy.

Keywords: *social networks; political networking; higher education; universities; soft power; political leaders*

For citation: Barkov, S. A., Kolodeznikova, I.V., Markeeva, A.V. (2025). Political Networking and Higher Education of Elites. *ECO*. No. 1. Pp. 123–143. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–123–143

Information about the authors

Barkov, Sergey Alexandrovich (Moscow) – Doctor of Sociology Sciences.

Lomonosov Moscow State University.

E-mail: barkserg@live.ru; ORCID: 0000–0002–7382–767X

Kolodeznikova, Inna Valentinovna (Moscow) – PhD in Economics.

Lomonosov Moscow State University.

E-mail: inna0105@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–3158–8172

Markeeva, Anna Valeryvna (Moscow) – PhD in Sociology.

Lomonosov Moscow State University.

E-mail: anna_markeeva@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7439–1599